

Семь дней - 1997.
17-23 марта.

С. 6-11

ЧЕЛОВЕК ИЗ ФУТЛЯРА

Он — Овен. Ягненок, играющий в травах нашей любви. И как истинное дитя полностью поглощен собственным Я, считая окружающее приложением к себе. Старенький ребенок. Не придет же вам в голову назвать ребенка эгоистом? В нем нет и следа хитрости. Он с трогательной доверчивостью смотрит вам в глаза: вы ведь мой лучший друг, да? Вы любите меня? И пальцы кусает от зависти: Боже, какой вы счастливый — я у вас есть! И слезы готовы брызнуть из глаз его, и он прижимает вас к сердцу, и — чмок! чмок! чмок!

Жена, Галина Павловна, утверждает, что в любой толпе способна указать местопребывание легкомысленного супруга по непрерывному чмоканию, сопровождающему его продвижение среди людей.

Дочь Оля: Он собирался выступать в благотворительном концерте. Я говорю: «Папа, мы с Ленкой прочитали в газете, что там будет Элтон Джон, а ты ни слова!» Он удивился: «Правда, там поет какой-то мистер Элтон». — «Попроси, чтоб нас пустили на репетицию, а?» Входим, а там и Элтон Джон, и Дайана Росс, и Стинг! Отец натопорился: все чужие. И вдруг на него набрасывается толстяк в борде, начинает целовать буквально врасплох и кричать: «Маэстро! О, грандиозный маэстро! Как я перед вами преклоняюсь!» Папа от него вырывается и говорит нам по-русски, а роте: «Какой-то ненормальный!» А тот: «Да, вам надо отдыхать! Но я от вас черпаю свое вдохновение!» И помчался. Папа говорит: «Этот псих чудовищно похож на Паваротти!» Мы говорим: «Папа, так это и есть Паваротти!» Тут отец как кинется вслед за ним, догнал, схватил и давай целовать: «О-о-о! Дорогой друг!» Ну наконец-то они нацеловались.

На днях Маэстро стукнет семьдесят. Все зовут его Слава, он со всеми на «ты».

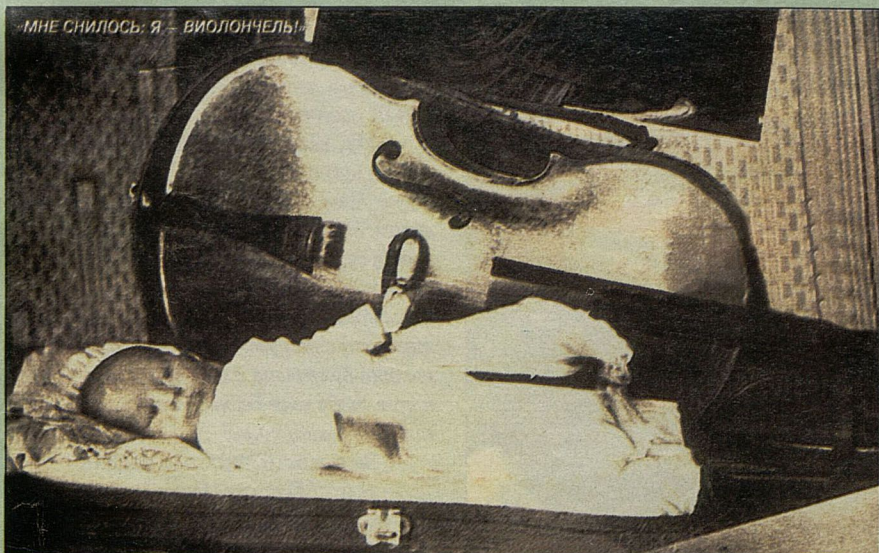
ВИОЛОНЧЕЛЬ

С тех пор, как он уехал, я не видел его играющим на виолончели. Не знаю, как он играет сейчас, раньше смотреть на это было невыносимо. Это было что-то почти неприличное. Какой-то эротический экстаз. Я видел, как, зажав виолончель ногами, он берет ее за горло и хлещет смычком, маленький владыка со вставшим дыбом венчиком волос, и извлекает из тела ее звуки такой страсти! И откидывается в упоении!

— Ну, еще бы! — сказал он мне своей картавой скороговоркой. — Еще бы, ха-ха! Все виолончелисты чувствуют в ней партнершу. Сама форма ее, э-э, формы... располагают. Это, знаешь ли, женское начало. Рубенс! Да-а-а! И меня просто потрясло, когда я узнал, что во французском языке виолончель — мужского рода! Зато контрабас, представляешь, женского! Бред!

Бывало, Мстислав Леопольдович весь в кружевах, пошевеливая руками и ножками, полеживает в футляре от виолончели и предает мечтам. Родители держали Великого Маэстро в виолончельном ящике, чтоб куда-нибудь не закатился: невероятная подвижность наблюдалась в нем с младых ногтей.

О, первая в жизни виолончель! Он играл на ней в эвакуации, в Оренбурге, в госпиталях, четырнадцати лет от роду, спасая от голода семью после смерти отца.

— Это была могучая вещь! Она была сколочена из крепких досок, на боку голубой краской крупно выведен инвентарный номер. Восемь! Помимо полного отсутствия звука, у нее имелось еще одно важное свойство: на ней, в случае надобности, можно было сидеть. Это была виолончель, рожденная для поездок в тамбурах. Я играл на ней «Муки любви». Раненые падали с коек от восторга.

Совсем зеленым он попал в Америку. Он оказался третьим артистом из СССР, появившимся там после революции. И как-то вечером один милый банкир, страшный любитель всего виолончельного, такой Джером Ворбург, заглянул за кулисы: «Слава, хочешь взглянуть на Страдивари «Дюпор»? Славу затрясло.

«Дюпор» — величайшая из виолончелей. Инструмент великого Дюпора, отсюда и имя. Однажды он играл в Тюильри Наполеону. И тот сам захотел ее. Чтоб она застонала и в его руках. Взял, уселся, и тут раздался истошный крик Дюпора. Военные, они все делают, не снимая сапог, а на сапогах шпоры. Но — поздно. Одну здоровенную императорскую шпору Наполеон всадил-таки в виолончель. Так она и жила дальше с легендарным шрамом. Вот что Ворбург предлагал бедному Ростроповичу посмотреть!

Ночь он не спал, представляя сияющее завтра, и наконец увидел ее и попросил разрешения коснуться. Жена Ворбурга запечатлела это касание «Полароидом».

Когда его вышибли из Москвы, он оказался на Западе вдвоем с ньюфаундлендом Кузьмой, но того отобрали на английской таможне и на полгода сунули в карантин, разрешив лишь свидания и передачи. Ни копейки в кармане, ни единого контракта. Ему даже показалось, что все кончилось и, может быть, пора спрыгнуть мимоходом в Темзу. И вдруг позвонил Марк Шагал: «Знаешь, на днях в Первом американском банке в Чикаго открывается моя мозаика, ты не смог бы сыграть там Ба-

ха?» А! «Суди сам, — тут Мстислав Леопольдович обычно очень возбуждается, — я же не мог отказать дяде Марку. Но — инструмент?!» И тут раздался второй звонок. Печальный женский голос: «Слава, я — вдова Ворбурга, он умер и завещал продать вам «Дюпор». Но я знаю, денег у вас нет. Простите».

Ростропович ответил мгновенно, покрываясь мурашками: «Немедленно доставьте мне виолончель, я ее покупаю!» И вот перед началом концерта дверь отворилась, за ней стоял человек, он держал Страдивари «Дюпор». Ростропович проворною рукою схватил за горло материализовавшееся сокровище и на подгибающихся ногах кинулся играть. «Я играл Третью сюиту Баха, в маленьком зале, у камина, все плыло у меня перед глазами, а в руках у меня...»

— Бракная ночь с королевой фей? А расплата?

— Ну, у меня был друг, Пауль Сахер, я поехал к нему в Швейцарию на другой

день: «Ты можешь составить счастье моей жизни?» Он спросил: «Сколько?» И выписал чек. А оформлена была покупка за один доллар. Так принято, когда продается вещь, не имеющая цены. Не общенациональное, а общечеловеческое достояние. Отдавал я долг несколько лет.

Он заказал для виолончели специальной футляр, бронированный сейф на колесиках. И водит за собою по миру на веревочке этого бегемота.

— То есть отношения выяснились до конца?

— А никаких отношений больше нет. У меня есть портрет работы такого замечательного, очень старого немца Гликмана, там я — есть, а виолончель стала красным пятном у меня на животе, вроде вскрытой брюшины. Я ее ощущаю теперь

так, как, видимо, человек ощущает головные связи. Я не репетирую больше. Читаю, учу ноты в самолете, и — на сцену.

— Ей, наверное, обидно?

— Да уж. Даже мстит.

Он прилетает в Лондон, опаздывая на концерт, волочет по Хитроу свое чудовище, дергает раздраженно, и стальная платформа, на которой этот сейф укреплен, с ходу бьет его по пятке. Он вырубается. Врач, обезбоживание, Маэстро несется на концерт. Обезболивает, играет. Через несколько дней нога чудовищно распухла, тронуть нельзя, оказывается, пятка раздроблена и уже началось заражение. Больница, операция. Зачем-то позвонил в Москву сестре Веронике. Та обмерла, кинулась звонить Вишневской в Париж: «Галля, что у Сла-

вы с ногой?» «С какой еще ногой?!» — рявкнула басом Галина Павловна. И тут же понеслась в Лондон. И вот уже больница стоит на ушах, повинуюсь распоряжениям, которые своим знаменитым, всюду проникающим голосом отдает прославленная жена прославленного Маэстро: «Это — туда! Это — сюда!»

И сам Маэстро, сразу осознавший степень совершенного им прегрешения, кается: да, он мерзавец, он будет паинькой и отныне — навсегда. Хе-хе!

Дочь Оля: Если он совершает что-то рискованное, ни матери, ни нам ни звука. Он ведь в Москву, на баррикады, просто сбегал: боялся, что мать ему ехать не разрешит. И когда мама дозвонилась к нему в Москву, она ему: «Ах ты, сволочь проклятая! До чего же ты меня доводишь! Ненавижу!»

— Они что, ссорятся у вас на глазах?

— А вы думаете, для них когда-нибудь имело значение, на чьих глазах выяснять отношения?! Это же два безумца! Там такие тексты идут, что бросать друг в друга тарелками уже излишне!

СЕМЬЯ

На вопрос налетевшего репортера, как с ним связаться, он закричал: «Ни-

«МОЯ ПРЕКРАСНАЯ,
НЕВЫНОСИМАЯ,
М-ММ! ОБОЖАЮ!»

она всегда берегла голос, поэтому чуть что — закрывает дверь в свою комнату и: «У меня завтра «Аида». Я ни о чем ни с кем не разговариваю!»

— Ну, всем известно, что муж у нее — под каблуком.

— Что вы говорите! Под каким каблуком! Это он — великий и ужасный. Мы всегда его смертельно боялись! И если, например, надо было быть дома в 10 вечера, а ты приходила в пять минут одиннадцатого, то отец уже стоял на лестничной клетке буквально с секундомером в руке, и вот тебя уже берут за волосы и втаскивают в квартиру!

— За нравственностью следил?

— Боже! Еще как! Разве могло прийти нам в голову надеть, например, джинсы, которые мама нам привозила, чтобы мы не чувствовали себя обездоленными по сравнению с другими девочками! Никогда! До 18 лет я ни разу не намазала себе лица, потому что едва пробовала, тут же отец вот так вот, рукой, сверху вниз делал тебе хорошую смазь. И все развозил!

— А как же мальчишки?

— Наше окружение было: Шостакович, Кабелевский, Сахаров, какие мальчишки! И он еще где-то раздобыл боярышник с особо длинными шипами и вдоль всего забора сам долго его сажал, чтобы рвать мальчишкам штаны.

Отец всегда говорил, что для него самая сексуальная женщина та, которая одета до сих пор, до ушей. Мама всегда одета по-королевски. Она иногда вспоминает, как он впервые объяснился ей в любви: встал на колени, ногу ей, вот здесь, у щиколотки, поцеловал и просил стать его женой.

ЖЕНЩИНЫ

Сестра Вероника: Вечно дом наш был полон молодежи. Слава всех дразнил, они

какого пресс-секретаря у меня нет! У меня есть жена, две дочери и шестеро внуков. Все! Связывайтесь через Ленку! Лена живет в Париже, Оля в Америке, обе замужем за иностранцами, внуки носят русские имена и говорят по-русски.

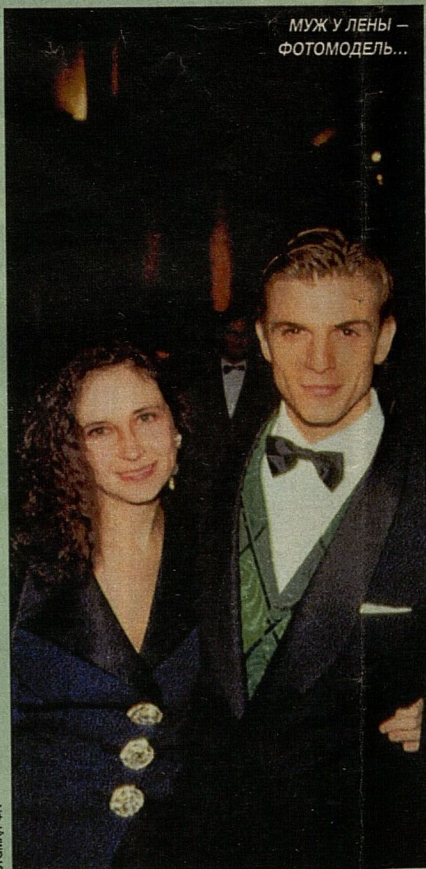
Дочь Оля: Я какое-то время занималась у отца. А он, не отдавая себе отчета в том, что я и девочка, и не такая талантливая, как он, требовал от меня того же, что от себя. А он гениален во всем. Он, например, может совершенно спокойно написать телеграмму в стихах. И тост в стихах может сказать. Причем первые буквы каждой строчки сложатся в какую-нибудь заумнейшую фразу. Так вот, если я не справлялась, мне так доставалось!

— По пальцам бил?

— По каким пальцам! По заднице!

— Смычком?

— Да чем попало! Дело было на даче, он уезжал. И пока к машине идет, я играю медленно и печально, но лишь садится, я — фальшиво, быстро: пам-пам-пам! лишь бы поскорей. И вот, то ли он что-то забыл, то ли специально вернулся, смотрю: дверь распахивается, он на пороге, как заорет: «Ты что!!!» Как на меня кинется! Я на улицу! И вот мы несемся по лужай-

МУЖ У ЛЕНЫ —
ФОТОМОДЕЛЬ...

...А У ОЛИ —
БИЗНЕСМЕН

ке кругами. Я — как заяц, сзади он со смычком и виолончелью в руках: «Немедленно остановись! Убью!»

А в Жуковке рядом с нами жили и Шостакович, и Сахаров, и масса замечательных людей. И они выскочили из домов и смотрели, как Ростропович гоняется за дочерью с криком «Убью!» Какой пассаж!

— Да я сам видел, как однажды он помчался с газетой в руке за своей таской. Милая зверюшка просто тьякнула невпопад, а он за ней, как Карабас: «Замолчи, сука!»

— Он что думает, то и говорит.

— А мама?

— Мама тоже может гавкнуть, но

постоянно друг друга разыгрывали, однажды начали вдруг создавать дом-музей Ростроповича, экспонаты собирал Слава Рихтер, во флаконе у него хранились «слезы Ростроповича», в коробочках — «коренной зуб Ростроповича», «волосы Ростроповича». Слава уже лысел.

— Не комплексовал?

— Ну что вы! У него всегда были самые лучшие девочки, самые красивые поклонницы, какие только могут быть, хотя он и не Аполлон.

Список его побед, если следовать легендам, уходит за горизонт. Говорят, он и по сию пору пользуется у дам бешеным успехом, из-за чего будто бы и происходят

«ОБАЯТЬ ТОП-МОДЕЛЕЙ? ДА ЗАПРОСТО!»
(К. ШИФФЕР И Е. ХЕРЦИГОВА СО СВОИМ КУМИРОМ)

СОРЕБОННА: «ВИВАТ ДОКТОРУ «ГОНОРИС КАУЗА»!»

СЮЗНАРОВА

НОТА «РЕ» ОТ МАЭСТРО

ЮРИЙ ФЕДКИШТОВ

у них с Галиной Павловной скандалы.

За что же они его любили? За то, что в двадцать с небольшим лет уже профессор консерватории? Победитель всех конкурсов, объездил полсвета? За славу, за талант? Но его женщин всем этим удивить было весьма трудно, они сами ни талантом, ни славой обижены не были.

Ни Майя Плисецкая. Ни Зара Долуханова. Ни Алла Шелест. В кругах поклонников ходила ехидная присказка: «Маялся-маялся, зарился-зарился, шелестел-шелестел! А подавился вишневой косточкой». Это когда наконец настало время Галины Вишневской.

Сестра Вероника: Он может сделать просто сумасшедший жест, так поразить, что не устоишь, женщин он просто покорял.

Мы пили с ним кофе в кухне, поутру, вдруг входит крошечная восточная женщина и принимается мыть посуду, прибираться, потом просит его что-то не делать. Он начинает выходить из себя, вдруг женщина — бух перед ним на колени! Пауза. Он — бух! И продолжили диспут на коленях. Пока не договорились.

А это его старинная поклонница и помощница, была у него когда-то концертмейстером. Аза Магомедовна, дагестанка. Родной человек. Маэстро зовет ее Оськой.

Когда он уехал и его окружение стало опально, маленькая, состарившаяся Аза Магомедовна тихо доживала на свою крохотную пенсию в крохотной коммунальной комнатке, большую часть которой занимало прокатное пианино. И вдруг получила письмо, в котором незабвенный, ушедший в небытие Слава Ростропович писал, что жив, заработал много денег и купил ей в подарок кабинетный «Стейнвей». Она кинулась в Шереметьево и увидела его своими глазами, и обалдела, поскольку на месте, где обычно красуется название фирмы, стояла надпись: «Оська». Это был именно экземпляр. Впрочем, таможенник просил ее особенно не беспокоиться, поскольку ей надлежало оплатить пошлину в три полных стоимости рояля. Как она плакала!

Ростропович, узнав о том, вышел из себя. Он написал таможенникам письмо, обещая устроить где-нибудь в Европе музей одного предмета: «Рояль, который не пустили в Советский Союз». Как он их напугал! Они ему даже не ответили! Год стоял рояль на таможне, и Ростропович был сломлен. Рублей у него не было, он выплатил тройную стоимость долларами, а за один «зеленый» государство официально давало тогда 63 копейки. Но Аза

получила свой рояль. И в ее комнатке, где давно уже нет ни одной не состарившейся вещи, сверкает рояль «Оська» стоимостью в четыре своих цены. Бедные женщины! Так он с ними поступал.

Но, как уже было сказано, пока не напоролся! Великий, получивший от жизни все, что она могла дать ему в СССР, да и возраст уже солидный — 28 лет, вдруг обнаружил нечто неразрешимое: замужнюю женщину абсолютно иного, чем у него, воспитания, с ним не знакомую, не ведающую его обаяния.

Галина Павловна: Мы сидели за столом. Вдруг знакомят: «Ростропович», — имя я слышала в первый раз. Он всех смешит, все хохочут, а я вдруг смотрю: от него через стол катится ко мне яблоко. Как Парис Прекрасной Елене — «Отдал яблочко он ей». Я встала уходить, он: «Можно я вас провожу?» Женщина возле отеля с корзиной ландышей. Он всю охапку вынимает — и мне в руки!

Вторая встреча: Зашел ко мне в комнату, сел за рояль, играет... вдруг выскочил из-за рояля и опустился на колени!

— Простите, я еще при первой встрече заметил, что у вас очень красивые ноги, и мне захотелось их поцеловать!

Третья: Сошли с дорожки, впереди — высокая каменная ограда. «Придется воз-

КОРОЛЬ СО СВОЕЙ КОРОЛЕВОЙ. ОДЕТОЙ ДО ПЯТ

вращаться!» — «Зачем?» — говорит он, — полезем через стену!» Перелез, кричит: «Сюда!» Влезаю, на той стороне грязная лужа. «Ничего, я вам подстелю!» И летит в лужу его светлое пальто!

Может женщина устоять перед таким натиском? Он увозит ее от мужа, даже не увозит, крадет. Все? Хеппи-энд? Если бы. На самую красивую женщину Большого театра «кладет глаз» глава тогдашнего правительства Булганин. Приглашает на приемы, сажает между собой и Хрущевым, зовет на дачу, откровенно объясняя свои желания и ее выгоды. Следует за Вишневской неотступно, приезжает к ним домой. Кто из тогдашних мужей осмелился бы помешать своей жене стать правительственной фавориткой? Женщина молчит, пока джигиты разговаривают. Потом записывает:

Бывало, охмелеют оба, старик упрется в Славу глазами, как бык:

— Да, обскакал... А ты ее любишь?

— Люблю...

— Эх ты, мальчишка! Что ты знаешь про любовь! Вот я ее люблю, это моя лебединая песня... Ну, ничего, подождем, мы ждать умеем, приучены...

Так старый лебедь и не дождался. Правители приходят и уходят, музыка вечна.

Дочь Оля: Единственный, кого папа знает из нынешних ваших знаменитостей, — Филипп Киркоров.

— А Пугачеву?

— Боюсь, что нет. Мама как-то увидела Киркорова и сказала при папе, что это — очень талантливый молодой человек, красивый, артистичный. Папа сразу же заинтересовался.

— Он что, ревнует?

— Да не далее чем вчера! Не буду называть имена, но у мамы есть один замечательный поклонник, талантливый поэт, он посвящает маме стихи, называет ее «моя королева». И вот вчера папа мне с возмущением говорит: «Представляешь, к ней звонит этот... поэт. Причем по второму телефону!» — «Да почему ты решил, что это он ей звонит?» — «Да потому, что как только я подхожу, он сразу же вешает трубку!»

— А она отца не ревнует?

— Еще как! Но старается этого не показывать, хотя во время сцен, которые он ей устраивает, выплескивает: «Это он-то, — говорит, показывая на папу, — смеет устраивать мне сцены ревности!!! Боже!»

27 марта в Париже будет национальный праздник. Франция отметит семидесятилетие кавалера ордена Почетного легиона, члена Французской академии искусств, одного из сорока «бессмертных», рыцаря ордена Британской империи и т.д. и т.п. (всего у него высших наград штук 60), великого музыканта XX века, одного из «последних могикан», равных которому пока нет на Земле, русского виолончелиста Мстислава Ростроповича. Его явятся поздравлять президенты, со всего света съедутся его друзья, великие артисты, чтобы спеть ему: «Глори, Слава, аллилуйя!»

Владимир ЧЕРНОВ